

Литературная традиция

Восьмого февраля 1837 года – 27 января по старому стилю – состоялась дуэль

Магнитогорская поэтическая Пушкиниана

Десятое февраля – день памяти Александра Сергеевича Пушкина

Пушкина и Дантеса. Когда смертельно раненный поэт скончался, в газете «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» опубликовали краткое извещение, в котором впервые прозвучали слова «солнце русской поэзии».

Через 10 дней после смерти Александра Сергеевича Лермонтов завершил работу над своим горьким и пронзительным стихотворением «Смерть поэта». Оно стало первым

из бесчисленных поэтических посвящений Пушкину. К своему великому собрату обращались признанные классики русской поэзии Фёдор Тютчев, Игорь Северянин, Марина Цветаева, Анна Ахматова, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Иосиф Бродский... Ему по сей день посвящают неумелые, но трогательно искренние строки самодельные стихотворцы. Александр Сергеевич, многократно отлитый в бронзе, за два века так и не забронзовел – остаётся живым, близким и понятным. И очень

родным: чаще всего знакомимся с Пушкиным в раннем детстве, его сказки звучат для нас маминым голосом. В школьные годы «догоняет» боль потери – сколько мог бы успеть, если бы не дуэль, обидно-то как. А когда исполняется 37, говорим себе: «Ну, вот я и ровесник Пушкина – а что оставлю миру?» Наверно, только тогда и приходит осознание, как невероятно много он сделал для поэзии, для русского литературного языка, для отечественной культуры – да в конечном итоге для каждого из нас.

С Пушкиным связана история Магнитогорска: есть версия, что в «Капитанской дочке» он писал о станции Магнитной, во всяком случае, нам, магнитогорцам, очень хочется так думать. В городе металлургов чтят память поэта: один из первых памятников – Пушкину, первый проспект и первый театр получили имя поэта. И, продолжая заложенную М. Ю. Лермонтовым традицию, магнитогорские авторы – от первооткрывателей до наших современников – посвящают ему стихи. Предлагаем вниманию читателей некоторые из них.

✍ Елена Пещинская

Поэзия

Денис Коновальчик

✍ Денис Коновальчик

Осень Пушкина

Всё сменяется в природе:
стужа – зноем, дни – ночами...
Мы по замкнутому кругу
мчим неведомо куда.
Только одиноко бродит
Осень Пушкина меж нами,
строк нечаянных подруга,
снов чарующих града.

Ей неведомы преграды
в сумасшедшем мире этом.
С ней столкнёшься ты случайно
и на миг сойдёшь с ума...
И в стихе прольётся радость,
что завещана поэтом,
и любви святая тайна,
и видений кутерьма.

Одинокая усадьба
замерла в немом вопросе:
почему осечки не дал
злой дантесовский курок?
Нам, живущим, не предать бы
заблудившуюся осень,
опрокинувшую небо
неиспитой чашей строк.

✍ Юрий Ильясов

Солнце русской поэзии

Акростих

Атлант – он держит шар земной
Легчайшей рифмою летучей,
Единой музыкой созвучий,
Которой создан мир иной,
Светлейший мир – сквозь волю толпы,
Алкающей вина и крови.
На всем пути земной тропы
Душа его – раба Любви –
Распята болью, скрытой в Слове.

Поэт доверчив, как дитя.
Удел – отважно жить, шутя,
Шалить в своей весёлой силе,
Как Солнце, вновь дарить и вновь
И жизнь, и слезы, и любовь
Народам мира – из России...

✍ Юрий Костарев ***

На гениев не учат
За партами судьбы,
Их азбукой не мучат
Учёные рабы
Неколебимых истин
И старых новостей...
Но, как метель и выстрел,
Внезапно на листе
То слово проступает,
Что им Господь внушил, –
И Вечность озаряет
Чертоги их души.

Юрий Ильясов

Кто гению учитель
И кто ему судья,
Когда он вечный житель
Иного бытия!
И Пушкин сердце мает,
И кудри ворошит –
И сквозь века внимает
Тоске моей души.

✍ Елена Холодова ***

В таинственном сиянии свечи,
В беседе с Музой, лучшей из подруг,
Как искру света, заплывавшую
в ночи,
Бросал он на бумагу Лыры звук.
Душа творца и гения меж строк
Принят искала, словно лист
упавший.
Устало душу оставлял пророк
В черновиках, спустя два года
ставших
Реликвией, предписанной судьбой...
Признал тебя наш критик,
вечно вздорный,
Почтил стихи улыбкою скупой,
И памятник тогда нерукотворный
Вознесся над ликующей толпой...

✍ Галина Пещинская ***

Тот голос надолго запомнится,
Он Пушкина нам прочитал.
И вдруг ослепительно Болдинским
Весь вечер осенний предстал.

За окнами дождик накрапывал
И тёрся щекой о стекло.
И в мире счастливым, заплаканном
По-болдински было светло.

В избе Родионова слушала.
Заботы забыла свои.
И кто-то хотел после Пушкина
Ещё написать о любви.

✍ Ренарт Фасхутдинов ***

Морозное небо хватая руками,
Упал он, и с ним пошатнулась эпоха.
И солнце закрыло себя облаками,
И ветер унёс эхо тихого вздоха.

Процайте! Вы стали и пылью,
и прахом,
Бесплотною мыслью,
беспечною птицей,
Взлетающей в небо
решительным взмахом.
И памятью вечной,
и новой страницей.

Опавшие листья, лохматые ивы,
Они ещё помнят походку поэта.
И кажется мне,
что Вы всё-таки живы
В шептанье травы
на пороге рассвета.

Юрий Костарев

✍ Андрей Расторгуев

В Михайловском мы пили молоко...

I
Оставь друзей,
тропю выйди в поле,
где бродит конь
по вымокшей траве,
и улови предощущенье воли,
разлитое в небесной синеве.
Минуй дома – крестьянские,
живые,
заборы, огороды, тополя...
И следом – валуны сторожевые,
святая, заповедная земля.
Там лес и дол полны
свободной речи,
прозрачные озёра глубоки,
и на полянах расправляют плечи
тугие лукоморские дубки
и впитывают грудью без опаски
на многие столетия вперёд
стихи и удивительные сказки –
все, чем народ отчаянный живёт.

II
В Михайловском мы пили молоко
и никого не хаяли при этом –
кто хоть с одним яхшается
поэтом,
уверует в такое нелегко...

Дошли мы и бешеных коров.
Но и опять –
неповторимый случай –
на дюжину собратии писучей
хватило поллитровки
будь здоров...
А вот июньской ночи было мало.
Густой туман клубился варенцом,
над Савкиной горой и Маленцом
луна осоловелая вставала
и плялилась на наше торжество,
как будто вопрошаючи: с чего?
И ничего мы ей не объясняли,
лишь за кормильца стопки
подымали
с хранителями памяти его...

И что бы ни творили со страной,
жива его поэзия в народе,
пока ещё поэты под луной
в Михайловском ночами
колоброят!

III
Над Соротью высокая трава
и свежий ветер клонит дерева,
и кажется: степные табуны
несутся на литые валуны.
И новая несчетная волна
рождается упруга и вольна
и, подхватив стремительный
набег,
его бросает с берега на брег.
Мгновение, биение плотьвы –

Галина Пещинская

и вновь перетекание травы,
а мерное движение воды
переправляет новые ряды...

Недолго до ивановской зари.
Рукою размахнутся косари,
и этот нескончаемый полёт
отточенное лезвие прервёт.
И станет одинокою вода,
и скакунов погонит в никуда –
теперь они до будущей весны
волнами пребывать обречены...

Но кровное теченье трав и рек
собою продолжает человек,
когда, неясной жаждою влеком,
её он утоляет молоком
и плещется на белизну листка
летучая живучая строка.

IV
Лазурь небес – оптический обман,
чем выше – тем Вселенная черней...
А в нашем, русском космосе –
туман,
причудливые выверты корней,
часовня на горе, обетный крест,
до берега тропинка через луг...
И всё, что открывается окрест,
окинешь враз, а вымолвишь –
не вдруг.

Поэзия, свобода – не мура ль,
когда сердца и дни все холодней?
Но стынешь, как японский самурай
в саду перед безмолвием камней.
Чего бумагу попусту марать,
душевный жар пуская на распыл?
Но по России каждый – космонавт,
покуда благодати не пропил...

И хочется открыться и вобрать,
чтоб видеть после, будто наяву,
озёрную распахнутую гладь,
упругий ветер, гибкую траву,
омытую рассеянным дождём
дорогу и запущенный погост,
и этот несказанный окоём,
и небо – высоченное, до звёзд...

V
В Михайловском тебя я не застал,
Тригорское подавно опустело...
Четырёхгранный гладкий
пьедестал
прижал твоё простреленное тело.

Твоя душа, свободна и легка,
покинула затисканное слово,
и только бронза смотрит свысока
в людское мельтешение
Страстного...

Но связь времён распалась
не совсем
и комом перегородила глотку:
помилуй Бог – мне скоро
тридцать семь!
Ещё могу писать как одногодку.

Уже могу, зарыв отца и мать,
за долгами тяжёлыми снегами
черствеющей душою понимать,
что пело в богохульном
Вальсингаме.

Уже я видел, скольких обожгла
бессмыслица бунтарского размаха
и как невыносимо тяжела
узурчатая шапка Мономаха.

И, глядя в эти спелые поля,
я ведаю теперь, какая сила,
какая вдохновенная земля
Француза русским духом напоила!

VI
А места в сельце Михайловском –
не сорные!
Но восторженность людская
недолга:

ко всему привыкнуть можно –
даже к Сороти,
что петляет, завивает берега.
Поживи, останься –
трудником, не баловнем,
и обиденными станут навсегда
колыханье древних елей
Ганнибаловых
и молчанье Ганнибалова пруда,
крики цапель над раскрытыми
калитками,
над осокой жавороночьей молава
и облепленная тёмными улитками
недвижимая подводная листва.
Помаши косой, лопатой
или ломиком,
прирасти к мужицким
крепостным корням,
и тебе обрыднут шалые
паломники,
что мотаются по здешним
деревням.
Им под шум ветвей
и кваканье лягушкино
на вечерней и на утренней заре
всё мерещится тень
Александра Пушкина.
И ему покоя нет в монастыре...
Ах, места в сельце Михайловском –
бессонные...

VII
Возвращаться обычай плох –
камни медленны, люди скоры.
Но, когда мне позволит Бог,
я вернусь на святые горы,
и от времени отрешусь,
тишиною лесной несомый,
и склонюсь, и переkreщу
на Михайловскую часовню...
И пойду не спеша, дыша,
и до берегового края
распахнётся опять душа,
всю округу в себя вбирая.
И прислушается дочь,
оглушённая городами.
И разгонят крылами дождь
цапли серые над прудами...